

Смерть Л. Ө. Яновича.

Предстоялъ судъ надъ А. А. Ергинимъ, обвинявшимся въ убійствѣ засѣдателя Иванова. Яновичъ вызывался въ качествѣ свидѣтеля. По послѣднему зимнему пути, въ срединѣ апрѣля, прибылъ онъ изъ Средне-Колымска въ Якутскъ. Весело играло весеннее солнце надъ обреченной смерти снѣговой пустыней, веселье и жизнерадостность были и Яновичъ, вырвавшійся наконецъ въ сравнительно большой городъ изъ колымскихъ болотъ. Новыя знакомства, встрѣчи, бодрящія новости изъ Россіи. Помню, шли мы съ нимъ отъ Ергиной, говорили о послѣднихъ новостяхъ.

— Неужели Сипягинъ не послѣдуетъ за Боголѣповымъ?—высказалъ мысль Яновичъ. Не прошли и двухъ кварталовъ, какъ навстрѣчу попадается, кажется, Пекарскій.

— Слышали?—сообщаетъ онъ:—только что получена агентская телеграмма о покушеніи на Сипягина...

Яновичъ рассказывалъ о своихъ литературныхъ работахъ, дѣлился литературными планами. Но не въ этихъ планахъ была центръ его интересовъ. Его неудержимо тянуло къ себѣ просторъ широкой политической борьбы. Достаточно было немного узнать этого, на видъ такого скромнаго, шлиссельбургскаго мученика, достаточно было вспомнить его прошлое, чтобы понять, что онъ сѣмѣетъ безъ колебаній идти прямо къ цѣли. Мысль о побѣгѣ самъ собою являлось у всѣхъ товарищей.

Въ это же время прибылъ въ Якутскъ Николай Николаевичъ Кудринъ, когда то служившій на уральскихъ золотыхъ приискахъ. Тайга и степь—его родная стихія; предприимчивость степного волка; монета гнулась между его пальцами, точно кружокъ жести. Кудринъ бѣжалъ изъ Балаганска самъ, затѣмъ вывезъ изъ Олекминска Марію Моисеевну Розенбергъ, а теперь прискакалъ за 2700 верстъ изъ Иркутска, чтобы устроить побѣгъ Ергина.

Ергинъ отказался, и самъ собою устраивался побѣгъ Яновича.

Кудринъ заручился официальнымъ правомъ производить развѣдки золота въ Якутской области. За Леной, въ селѣ Павловскомъ, онъ началъ дѣлать приготовленія къ устройству экспедиціи: заготовлялъ инструменты, палатки, сѣстные припасы, приторговывалъ

вьючныхъ лошадей. Предполагалось, что Яновичъ отправится въ экспедицію подѣ видомъ рабочаго-пріискателя. Ждали только окончанія суда надѣ Ергинымъ и вскрытія Лены.

Насталъ день суда. Въ свидѣтельской комнатѣ ждали очереди Л. В. Ергина, Яновичъ, Станиславъ Палинскій (изъ Колымска), Александровъ и Браудо изъ Олекминска, и нѣсколько полицейскихъ. Сперва вызывали свидѣтелей обвиненія,—исправника и казаковъ. Ожиданіе волновало, утомляло, но Яновичъ ничѣмъ не обнаруживалъ своего возбужденія. Наконецъ, его вызвали. Не прошло, кажется, минуты, какъ въ коридорѣ началась суматоха, и затѣмъ въ свидѣтельскую, почти неся на рукахъ, ввели рыдающаго Яновича. Оказалось, что по входѣ въ залъ засѣданія съ нимъ случился истерическій припадокъ. Помнится, онъ объяснялъ, что картина суда слишкомъ ярко напомнила ему другой судъ,—знаменитый процессъ Пролетаріата въ Варшавѣ, принесшій смертную казнь для четырехъ товарищей Яновича и Шлиссельбургъ для него самого.

Припадокъ въ сильнѣйшей мѣрѣ отразился на дальнѣйшемъ настроеніи Яновича. Защищавшій Ергина прис. повѣр. П. Н. Перверзевъ рассказывалъ, что Яновичъ послѣ суда говорилъ рыдая у него на квартирѣ:

— Я теперь никуда не годенъ: тряпка какая то!

Онъ сталъ мраченъ, задумчивъ. Кажется, всѣ замѣтили перемену.

Пріѣхалъ въ Якутскъ Михалевичъ, бывшій политической ссылкой. Онъ исколесилъ всю область и могъ считаться авторитетомъ. Планъ пройти тайгой до Олекминско-Витимской золотопромышленной системы или даже прямо въ Забайкалье Михалевичъ нашелъ совершенно неосуществимымъ по географическимъ и топографическимъ условіямъ. Не помню, былъ ли ознакомленъ Михалевичъ, о чѣмъ побѣгъ шла рѣчь. Во всякомъ случаѣ отзывъ такого бывалаго человѣка не могъ не повліять на вѣру въ успѣхъ предпріятія.

Наконецъ, въ самомъ Якутскѣ разразилась одна изъ тѣхъ ужасныхъ ссылочныхъ исторій, которыми такъ богато прошлое нашей политической ссылки. Эта исторія тоже не могла не отразиться на нервахъ всѣхъ товарищей.

Какъ видитъ читатель, получился рядъ обстоятельствъ угнетавшихъ Яновича. Въ виду припадка, бывшаго на судѣ, и замѣченной съ тѣхъ поръ перемены въ настроеніи Яновича, стали высказываться опасенія, но, къ сожалѣнію, безъ серьезной вѣры въ ихъ основательность... Между тѣмъ развязка приближалась. Со дня на день ждали пріѣзда Кудрина изъ-за Лены.

Наканунѣ смерти Яновичъ зашелъ ко мнѣ. У насъ были какіе то копеечные счеты,—меня удивило, что онъ побезпокоился достать портмоне и расплатиться. Онъ любовался только что купленнымъ браунингомъ, объяснялъ его устройство,—объ этой покупкѣ, въ виду побѣга, давно состоялось рѣшеніе.

Утромъ въ день смерти Яновичъ обошелъ ближайшихъ друзей,—

Ергину, г-жу Абрамовичъ и другихъ, но ничѣмъ не выдалъ себя. По его уходѣ Ергина нашла у себя, кажется на окнѣ, портмоне Яновича съ деньгами, но объяснила дѣло простой разсѣянностью. Въ три часа дня Яновичъ долженъ былъ зайти къ г-жѣ Абрамовичъ, въ пять часовъ—прийти на одно собраніе. Пунктуальность Яновича была извѣстна. Его отсутствіе стало возбуждать большое безпокойство. Начались разспросы. Оказалось, что наканунѣ Яновичъ далъ Теслеру запечатанный конвертъ со словами:

— У васъ его спросятъ,—тогда отдадите.

Мы не рѣшили вскрыть конверта и продолжали поиски. Вдруг мною овладѣла какая то страшная увѣренность. Я бросился къ Теслеру. Въ его квартирѣ было собраніе почти всей колоніи.

— Давайте пакетъ Яновича. Я беру вскрытіе его на свою отвѣтственность.

Первое, что бросилось въ глаза, было слова: «Копія. Въ Якутскую Городскую Полицію»... Не помню, какъ дочиталъ записку до конца, не помню впечатлѣнія на товарищей. Сейчасъ же организовались розыски: товарищи бросились въ окрестности города по всѣмъ направленіямъ. Осматривали каждый кустъ, всякую ложбину. Отъ охотниковъ узнали, что еще днемъ полиція нашла возлѣ кладбища трупъ неизвѣстнаго. Въ тотъ же вечеръ трупъ былъ перевезенъ въ домъ, гдѣ вмѣстѣ съ Яновичемъ жили Палинскій, Пріютовъ, Виленкинъ и Теслеръ..

На одномъ изъ кладбищъ города Якутска имѣется длинный рядъ крестовъ съ именами покойниковъ. Кресты ничѣмъ не выдѣляются. Только вмѣсто слова «скончался» вы неизмѣнно читаете сообщеніе о преждевременной смерти: застрѣлился, убитъ, утонулъ. Это—все могилы политическихъ ссыльныхъ, жертвъ безотраднаго прозябанія въ нечеловѣческихъ условіяхъ жизни и отчасти—жертвъ перваго Якутскаго протеста (1889 года). Въ другомъ мѣстѣ, на еврейскомъ кладбищѣ, также цѣлая колонія бывшихъ ссыльныхъ. Что касается перваго кладбища, то нужно прибавить, что со времени смерти Яновича рядъ крестовъ непрерывно удлинялся,—скоро пришлось начать второй рядъ ¹⁾.

Яновичъ застрѣлился изъ браунинга за оградой кладбища, какъ разъ по первой линіи крестовъ, съ городской стороны. Тамъ есть небольшая лощина, въ которой еще на другой день можно было видѣть много крови, спекшейся подъ лучами майскаго солнца. Высказывалось предположеніе, что Яновичъ, какъ католикъ и какъ самоубійца, не надѣялся быть похороненнымъ внутри кладбища, что мѣсто самоубійства было выбрано имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ мѣсто могилы,—хотя и отдѣльно отъ товарищей, но на одной линіи съ ними, въ общемъ ряду.

¹⁾ Было бы желательно получить изъ Якутска самое подробное описаніе обонхъ кладбищъ съ полнымъ изложеніемъ надписей, фотографическіе снимки и описаніе павѣшняго состоянія памятниковъ. Дѣло въ томъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ чьи то невидимыя руки систематически ломали кресты, разбивали плиты, стирали надписи, дѣлали взамѣнъ другія надписи, съ цѣлью оскорбить память покойниковъ.

Нечего говорить о томъ, какое потрясающее впечатлѣніе на всю колонію произвела смерть наиболѣе уважаемаго товарища. Стоитъ только отмѣтить неутѣшное горе Теслера, который не могъ простить себѣ, что не вскрылъ пакета тотчасъ по его полученіи.

Въ пакетѣ оказалось три письма. Первое—копія офіціального письма въ полицію, второе—къ товарищамъ, третье—къ Ергинымъ. Последнее—самое длинное и наиболѣе цѣнное для характеристики Яновича вообще и его предсмертнаго настроенія въ частности; говорить о содержаніи этого письма я не считаю себя въ правѣ.

Въ заключеніе можетъ быть читателю не безынтересно будетъ узнать, чѣмъ окончились походы Кудрина. Приготовленіями къ побѣгу воспользовался Палинскій. вмѣстѣ съ Кудринымъ онъ въ концѣ мая углубился въ тайгу. Хотя первоначальный планъ не былъ въ точности приведенъ въ исполненіе, однако оба «пріискателя» благополучно выбрались къ жилымъ мѣстамъ, и затѣмъ преслѣдовали за границу. Впослѣдствіи Кудринъ былъ арестованъ въ Россіи и сосланъ какъ разъ въ Якутскую область. За участіе въ романовскомъ протестѣ онъ получилъ двѣнадцать лѣтъ каторги. Затѣмъ имя его мелькнуло въ газетахъ въ связи съ извѣстіями о забайкальскихъ событіяхъ въ декабрѣ 1905 г. Живъ ли онъ теперь и гдѣ находится,—не знаю.